

Наталья
РОМАНОВА

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ
РОМАН...

Я исполню
ТВОИ МЕЧТЫ

Наталия Романова

Я исполню твои мечты

«Наталия Романова»

2023

Романова Н.

Я исполню твои мечты / Н. Романова — «Наталия Романова»,
2023

Когда умирающий друг детства попросил Александра проконтролировать, чтобы юная девушка, о которой он заботился долгие годы, получила завещанный ей им загородный дом, тот ещё не догадывался, насколько эта встреча перевернёт его жизнь – жизнь пресыщенного и циничного олигарха.

© Романова Н., 2023

© Наталия Романова, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	22
Глава 6	27
Глава 7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Наталия Романова

Я исполню твои мечты

* * *

Глава 1

Александр устроился в кресле из бамбука, откинул голову, вытянул длинные ноги. Закрыв глаза, попытался успокоиться. Впрочем, не так он и нервничал, скорее отмахивался от противных, липких эмоций от встречи с собственной семьёй в их «семейном гнезде», расположенном в последние лет десять в замке на Лазурном берегу. Ни больше и не меньше – в замке!

Виссарионовой Евдокии Фёдоровне – матери Александра, – показалось, что юг Франции – самое подходящее место для родового гнезда благородного семейства. Отец, Павел Александрович, желая побаловать драгоценную жёнушку, купил возжеленную недвижимость с видом на морскую гладь и проходящие мимо парусники.

Сам же Александр поначалу гостил у родителей не меньше пяти-шести раз в год, сейчас перешёл на график год через два. Один год приезжал на пару дней, два – игнорировал, если дела заносили в этот регион, останавливался в гостинице.

Вот и сегодня он отдавал сыновний долг, морщась про себя от всего происходящего, в первую очередь – от назойливой заботы матери. С трудом высидел совместный праздничный ужин, оставалось отбыть лёгкий завтрак, после – дружелюбное прощание и, наконец, самолёт, который унесёт его подальше от Виссарионовых-старших на ближайшую пару лет.

Он невольно поморщился, повёл плечами, как при сквозняке, вспоминая разговор за семейным столом в столовой никак не меньше ста с лишним квадратных, обставленной в стиле ренессанса, если верить матери семейства. Александр в этом ни черта не понимал и в ближайшие лет двести разбираться не собирался.

– Дорогой, когда ты порадуешь нас приятной новостью? – осведомилась мать, отложив в сторону столовые приборы.

– Какой именно? – Александр сделал вид, что не понял вопрос.

– Естественно, я имею в виду твоё семейное положение.

Ничего естественного в том, что родители лезут в личные дела тридцатипятилетнего сына, Александр не видел, однако, промолчал, лишь поднял в недоумении бровь, в упор глядя на излишне молодящуюся мать.

– Что не так с моим семейным положением?

– У тебя его нет, – пропела мать. – Тебе пора подумать о семье, о детях. Мы с отцом хотим внуков.

– Да уж, хотелось бы дожить до столь знаменательного события пока я ещё не в старческом маразме, – неопределённо хмыкнул отец.

Он то ли подыгрывал матери, то ли подкалывал её, а может, и то, и другое, и третье на закуску.

– Доживёшь, – усмехнулся Александр.

– Ты, наконец, сделал предложение этой своей... Веронике? Виктории? Как там её?... – равнодушно поинтересовался отец.

– Господи, нет! – воскликнула мать, включая на полную катушку Евдокию Фёдоровну, русскую аристократку, жаль только, родом из условного Мценского уезда, из семьи потомственных рабочих и крестьян. – Эта ваша Вера – профурсетка!

– Профурсетка, мама, это женщина лёгкого поведения, а Вера Андреевна Соколовская – одна из успешных адвокатов в области корпоративного права.

– Работа не мешает ей быть профурсеткой, – ожидаемо ошетинилась мать.

Одна и та же история на протяжении десяти, нет, уже пятнадцати лет. Стенания о внуках, которых срочно требовалось родить единственному наследнику четы Виссарионовых, и в то же самое время, любая кандидатура на роль матери этих самых внуков отменялась, как недо-

стойная. Профурсетка – одна из самых лояльных характеристик из уст Евдокии Фёдоровны, можно сказать, комплимент.

– Не переживай, – примирительно ответил Александр. – Я не собираюсь вступать с Верой в брак.

– Хорошо, – наигранно тяжело выдохнула Евдокия Фёдоровна. – И всё же, мы с папой ждём, когда ты позаботишься о собственной семье и обеспечишь нас внуками.

– Я дам тебе телефон своего врача, уверен, с помощью денег и связей отца вы сумеете найти общий язык и обеспечите себя внуками без моего участия, – спокойно ответил Александр.

– Саша!

– Что Саша, мам? В нынешний век совсем не обязательно жениться и даже спать с женщиной, чтобы стать отцом. Достаточно предоставить небольшую баночку врачу. А дальше, я совершенно уверен, ты сама прекрасно справишься. Найдёшь лучшую яйцеклетку из всех возможных, подберёшь прекрасную суррогатную мать и обеспечишь наконец-то себя внуком, если верить статьям в интернете, даже не одним.

– Ты несёшь чушь! – отрезал отец.

– Чушь несёте вы, – Саша резко встал из-за стола. – Приятного аппетита.

Александр потрянул головой, посмотрел в сторону моря. Вид с просторного балкона действительно открывался превосходный, вот только вся эта средиземноморская красота была не близка ему, сидела кособоко, как пиджак какой-нибудь фабрики «Красный текстиль», если такая и существовала в природе, и наследнику самого Павла Александровича пришлось бы в голову взять в руки нечто подобное. Не просто наследнику, а успешному бизнесмену, чьё состояние давно исчислялось не миллионами...

Наверное, поэтому он до сих пор не был женат. На любые относительно серьёзные отношения необходимо тратить ресурсы, в первую очередь время и силы, их же Александр пускал в работу. Или потому, что не встретил ту, на которую не жалко будет тратить эти самые пресловутые ресурсы.

Вера? Приятный, ни к чему не обязывающий секс, который устраивает обе стороны – не более того. Ей точно так же не хотелось тратить силы на отношения, которые заранее обречены на провал. Мало кто из мужчин в состоянии терпеть рядом настолько целеустремлённую, умную женщину. Александр соглашался, зная наверняка, что значит для Веры немногим больше, чем вибратор с дополнительной функцией: два-три приятных вечера в месяц за непридуманной беседой в ресторане или непродолжительное, приятное для обоих путешествие. В большем не нуждались оба. Ни он, ни она.

Из раздумий вывел звонок, Александр покосился на незнакомый номер, для чего-то снял трубку.

– Александр Виссарионов? – услышал он смутно знакомый голос.

Да нет, не смутно, отчётливо, но сильно изменившийся за прошедшие десять лет. Десять ли? Пришлось напрячь память, чтобы отсчитать года. Выходило десять.

– Слушаю, – резко ответил.

– Это Олег. Олег Звягильский.

– Не могу сказать, что рад тебя слышать, – прямо ответил Александр.

Он давно пережил то, что случилось десять лет назад. Пережевал и выплюнул. Время действительно лечит, а молодость даёт силы на полное исцеление. Однако слышать этот голос, возвращаться в прошлое, не хотелось совершенно. Виссарионов никогда не считал себя мазохистом.

– Поверь, я бы не обратился к тебе, если бы не обстоятельства.

– Охотно верю, – не сдержал усмешки Александр.

– Тебе ведь не составит труда приехать в Франкфурт-на-Майне, университетская клиника имени Гёте, – утвердил, игнорируя тон собеседника, Звягильский.

– Не составит, но для чего мне нужно?

– Из милосердия? – вдруг ответил бывший друг. Бывший. Лучший. Друг.

– Не по адресу обратился, – в раздражении ответил Александр и отключил номер.

Милосердие. Что за глупость? Какое он-то имеет отношение к милосердию? Даже если прямо сейчас в клинике в Франкфурте-на-Майне поддыхает любимый попугай Звягильского, Александру насрано на это с высокой, самой высокой колокольни.

Всё-таки он отправился в этот чёртов Франкфурт-на-Майне, благо ни с визой, ни со временем, ни с деньгами у Вассарионова проблем не было и быть не могло.

Зачем? Кто же ответит – зачем? Может, и правда милосердие, кольнувшее под ложечкой, когда какой-то нездоровый интерес завёл на сайт клиники, и там обнаружился один из крупнейших онкологических центров Европы. Или болезненное любопытство, а может, и безотчётное желание поставить никому не нужную на сегодняшний день точку.

Свою Александр Павлович Виссарионов поставил десять лет назад, дело за Звягильским и той, чьё имя он не вспоминал лет семь точно.

Глава 2

Звягильский выглядел паршиво. Осунувшийся, с торчащими, угловатыми скулами, ключицами, выглядывающими из-под горловины футболки, тощей шеей, кадык на которой выступал острым конусом.

– Рад видеть, – растянул губы в натянутой ухмылке Олег, быстро оглядев холёного, пышущего здоровьем бывшего друга.

– У тебя было какое-то дело, – без предисловий ответил Александр.

Что дела Звягильского дрянные было видно невооружённым взглядом, но Виссарионов не благотворительностью приехал заниматься. Он в принципе не знал, за каким чёртом поддался дебильному порыву прилететь во Франкфурт-на-Майне. Что хотел увидеть, понять, узнать?

– Что ж, сразу к делу, – ответил Олег.

К удивлению Александра, Олег вполне бодро встал с медицинской кровати и показал рукой в сторону балкона, откуда открывался вид на ухоженный с немецкой педантичностью больничный двор со сквером и мутный Майн.

– Там будет удобней, – прокомментировал Олег своё решение. – Дай мне пару минут, – с этими словами он направился из палаты.

Александр уселся в кресло рядом со столом, глянул сквозь стекло вслед человеку, который когда-то был его лучшим, самым лучшим другом, ближе брата, если бы тот был у Виссарионова-младшего.

Они дружили лет с семи или девяти, точнее Александр вспомнить не мог. Пытался, но не получалось. Выходило, что всё осознанное детство они провели вместе, бок о бок. Конкурируя, подзадоривая друг друга, в то же время помогая, поощряя на победы, малые и большие. Ещё в начальной школе стали не разлей вода – это точно.

И после, когда Александра отправили получать лучшее образования, сразу после пятого класса, они умудрились оставаться друганами не на жизнь, а на смерть. И даже взлетевшее до космических высот положение и состояние Павла Виссарионова, который сделал состояние на продаже леса, в том числе на незаконных вырубках, не помешало дружбе.

Отец Звягильского тоже был не лыком шит, хотя до новых масштабов Виссарионова дотянуться не пытался – бесполезно. Зато полез в политику, сначала в местную власть, потом в региональную.

Александр же с Олегом в двадцать три основали свой бизнес, естественно, в их краях – связанный с лесом, быстро набирали обороты, шли в гору семимильными шагами. Не без участия обоих отцов, естественно. Но пахали, как волю, генерировали идеи, хватались за любые, самые безумные возможности и неизменно оказывались в выигрыше.

Казалось, так будет всегда. Судьба даже не благоволила друзьям, а расстилала на их пути к абсолютному успеху ковровую дорожку, пока не случилось то, что случилось.

– Не хочу, чтобы жена случайно застала, – произнёс Олег, когда вышел на балкон.

Александр не понял, что именно имеет в виду бывший друг. Стопку бумаг, которую тот бросил на стол, или электронную сигарету, которой затянулся и выдохнул сладкий, ягодно-фруктовый пар.

– Какая всё-таки дрянь... Но обычные сигареты учует – звездац мне.

– Тебе можно? – спросил Александр.

– Теперь всё можно, – усмехнулся Олег, выпуская вторую струю пара. – Мне жить осталось полтора понедельника, даже меньше.

– Не преувеличивай, – попытался найти слова Виссарионов.

Что, чёрт возьми, говорят в таких случаях? Утешают? Обещают золотые горы?

– Рак поджелудочной, – спокойно ответил Олег. – Последняя стадия. Наши эскулапы отказались от меня и правильно сделали, чудес не бывает. Здесь согласились сделать операцию, несмотря на метастазы, – он затанулся, помолчал. – Пустая трата времени и денег, я согласился ради жены, ей потом будет спокойней... Дерьмово оставаться, понимая, что сделал не всё, что мог.

– Всё настолько плохо? – нахмурился Александр. – Ты неплохо выглядишь для умирающего.

Ещё одна всратая попытка найти нужные слова.

– Не обольщайся на этот счёт, мне колют отличные препараты, без которых я бы сейчас лез на стены. В общем, это одна из причин, почему я здесь, а не там, где хотел бы быть... дома. Хочу, чтобы жена запомнила меня в относительном здравии и памяти, а не срущего под себя, голаящего от боли, потерявшего человеческий облик. Мне повезло, что есть выбор, хотя бы такой, но выбор.

– Сожалею, что так случилось, – честно ответил Александр.

Он действительно сожалел, что с красавцем, любимцем фортуны и женщин Олегом Звягильским произошла подобная дрянь. Человек в тридцать пять лет должен жить на полную катушку, строить свой мир, по своим правилам, любить, творить, желать, а не выбирать, в каком виде и где ему сдохнуть.

– Знаешь, я тоже, – хохотнул Звягильский, показывая, что он остался самим собой.

Тем самым Олегом, который когда-то в прошлой жизни был лучшим другом Виссарионова больше пятнадцати лет. Пятнадцати грёбаных лет!

– О, душа моя пришла, – вдруг сказал он, резко повернувшись к двери.

Одним движением спрятал электронную сигарету под стопку бумаг, а сами листы перевернул обратной стороной вниз.

Александр невольно напрягся. Внутренне он морщился каждый раз, когда изо рта Олега вылетало упоминание жены, но виртуозно держал лицо.

Вернее, ему действительно было безразлично, как сейчас выглядит эта женщина, что из себя представляет, чем дышит. Перегорело, превратилось в пепел, развеялось, оставив после себя почву для новой жизни... Но встретиться прямо сейчас, лоб в лоб, с болезненным прошлым не хотел.

Сродни укусу ядовитой змеи, даже после того, как сыворотка сработает, появится уверенность, что будешь жить, страх остаётся где-то на подкорке, даже если ты профессиональный ловец змей.

– Геля, познакомься, это мой давний друг Александр Павлович Виссарионов, – проговорил Олег, показывая тощей ладонью, похожей на руку Коцея Бессмертного в советских экранизациях, на друга. – А это моя супруга, мать моих двоих детей и смысл жизни – Ангелина.

– Очень приятно, – Александр встал, протянул руку для приветствия.

Геля скользнула растерянным взглядом по лицу представленного, поставила две принесённые чашки чая на стол, недовольно отодвигая бумаги, выпрямилась и протянула руку в ответ.

Александр Виссарионов впервые видел эту женщину. Вполне приятную молодую блондинку, подтянутую, с типичным лицом, которое отлично ложится в ленту социальной сети о богатой, сытой жизни знаменитостей. Не будь в его окружении сотни, если не тысячи таких же безликих существ, сказал бы – красивую.

– Ангелина. Мне тоже приятно, – ответила она, сверкнув белоснежными зубами. – Ты не говорил, что у тебя будут посетители, – обратилась она к мужу. – Тебе нужно беречь себя... Врач сказал, что...

– Прошу прощения, это моя вина, – перебил Александр, для чего-то защищая бывшего друга от собственной жены, как покрывал в детстве перед строгим отцом.

– Душа моя, это ненадолго. Оставь нас, будь любезна. Обещаю, сразу после визита я лягу в кроватку и буду хорошим мальчиком, – улыбнулся Олег, Александр не понял, искренне или нет.

– Хорошо, – ответила Геля, покосилась на гостя и вышла, кивнув на прощание: – До свидания, Александр.

– До свидания, – ответил Виссарионов.

– Что ж, – как только Ангелина скрылась за дверями просторной палаты, произнёс Олег. – Не стану задерживать тебя и себя. Время, как говорится, деньги.

Он переставил злополучные чашки с дымящимся напитком на стоявший рядом передвижной сервировочный столик и положил бумаги лицевой стороной вверх. Пробежался по написанному взглядам, выцепил нужное, протянул Александру.

– Это копия моего завещания, не удивляйся.

– Зачем она мне? – не понял Александр. – Я не нотариус, не юрист, тебе это известно.

– Я знаю, – кивнул Олег. – Тебя касается, вернее, я надеюсь, будет касаться только пункт, который я выделил, – он ткнул бледным желтоватым пальцем в написанное.

Виссарионов внимательно прочитал несколько раз и решительно ничего не понял. Знакомой показалась только фамилия, но в тех краях, откуда они с Олегом родом, Лесонен не такая и редкость, сродни Петровым в центральной полосе России.

– Прости? – Александр посмотрел на Олега. – Что это значит? Что именно ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты проследил, чтобы Лесонен Анни получила всё, что здесь указано, понимаешь?

– Не слишком, – Александр приподнял бровь, нахмурился.

Нет, он решительно ничего не понимал.

– Лесонен Анни, насколько я могу судить, совершеннолетняя особа, значит, она в состоянии вступить в наследство. Она недееспособна? – догадался Александр. – Тогда у неё должен быть опекун, попечитель, кто-то же в таких случаях назначается, вплоть до государства. В любом случае не понимаю, причём здесь я? У тебя нет адвоката, доверенного лица? Пусть он займётся этой... Анни.

– Анни – дочь Марты.

– Что?!

Александр отодвинулся вместе со стулом, будто увидел призрак. Да, он готовился, да, он думал о том, что почувствует, когда увидит Марту, был уверен, что ничего. В итоге услышал имя, и земля разверзлась под ногами.

Марта. Марта. Марта!

– Твоя и Марты дочь?

– У тебя от неожиданности отбило способность мыслить? Анни девятнадцать лет. В пятнадцать, конечно, можно зачать ребёнка, но это точно не наш случай с Мартой. Мы познакомились с ней в двадцать пять, если ты помнишь.

– Я всё отлично помню, – отрезал Александр. – И до сих пор не понимаю, почему именно я должен проследить, чтобы эта девочка вступила в наследство. У неё нет семьи? Где её мать, в конце концов?

– Ты не знаешь?

– Чего я не знаю?

– Серьёзно, не знаешь? – Олег замолчал, уставившись на бывшего друга, как на призрак чумы. – Марта погибла девять лет назад, почти десять... Авиакатастрофа. Прости.

– Прости за что? – от неожиданности голос Александра стал как не своим, глухим, хриплым.

Погибла. Марта погибла. Погибла, чёрт возьми. Какая насмешка судьбы, нет, не насмешка, плевок, что именно от Олега ему пришлось узнать об этом.

– За то, что говорю это...

– Не стоит извинений, – взял себя в руки Виссарионов.

Прошло десять лет. В душе давно ничего не откликалось на мелькнувшее где-то вскользь знакомое имя, не такое и редкое, если учесть, что Марта на поверку оказалась Марией, обыкновенной Машей оказалась.

Просто... неожиданно, как и любая подобная новость о некогда близком человеке или даже знаменитости, которая постоянно мелькала на экранах. Первая реакция – неприятие, жгучая боль, но всё быстро отступает, потому что есть своя жизнь, а тот, другой, погибший – всего лишь тень из прошлого.

– Так что с этой Анни? – вернулся Александр к теме разговоров.

– Там непростая, щепетильная ситуация, именно поэтому я обратился к тебе. Все эти годы я помогал девочке. Не лично, нет, лишь материально и незначительно, чтобы бабушка могла обеспечить ей уровень жизни немного лучше, чем в регионе. Но...

– Но? – не выдержал паузы Виссарионов.

Уж не стала ли эта Анни любовницей Олега, как когда-то её мать? Так сказать, не удержался, сорвался. Учитывая, на что он в своё время пошёл ради Марты, неудивительно. Наверняка этому есть какое-то объяснение с точки зрения психологии, существует какой-нибудь синдром с мудрёным названием, вот только Александр не хотел никаких объяснений.

Дочь Марты в любовницах Звягильского за гранью его понимания. За гранью добра и зла. За гранью всего, чем являлся сам Александр Павлович Виссарионов.

– Но Геля всю жизнь страшно ревновала к Анни, вернее сказать, к Марте. Все эти годы, если она случайно узнавала, что я перевёл деньги или интересовался делами, здоровьем ребёнка, она закатывала жуткие, безобразные истерики. Марта – камень преткновения в нашей жизни, видимо, останется такой и после моей смерти.

– Марта мертва, – вставил Александр в тираду Олега.

Что за чушь. Ревновала к мёртвой? К ребёнку ревновала? Если Марта погибла десять лет назад, девочки было лет... девять? Кто в своём уме ревнует к девятилетней? Бред какой-то!

– Она так и не поверила, что я люблю её, хотя она и дети – смысл моей жизни. Боже, да я умереть согласился здесь, под операционным ножом, а не там, где хочу, только ради неё. Но она продолжает ревновать, беситься, выходить из себя при малейшем намёке на Анни, вернее, в её глазах, на Марту. Боюсь представить, что будет, когда обнародуют этот пункт завещания.

– Просто переведи Анни эту сумму, оформи дарственную. Всегда есть варианты.

– Варианты есть, когда тебе осталось жить хотя бы месяц, у меня его нет. Ты проследишь, чтобы девочка вступила в наследство? Считай это моей последней просьбой к тебе.

– Да, чёртов ты сукин сын.

Глава 3

Похороны Звягильского прошли через три недели на его малой родине, именно там, где он завещал и где хотел бы провести последние дни жизни.

Виссарионову был знаком этот городок Карелии – края лесов и тысячи озёр. Когда-то в этом городке жила бабушка Александра по материнской линии, как оказалась, после педагогического техникума, после распределения, так и осталась на всю жизнь. Там же родился её единственный сын – Павел.

Впоследствии Павел Александрович уехал в столицу региона, сейчас и вовсе жил на юге Франции. Сашу же привозили к бабушке погостить, иногда на целое лето, когда Виссарионов-старший ещё не взошёл на пик финансового и социального благополучия, порой на пару дней, просто навестить старушку.

Последний раз Александр был в этих краях, когда лично отвозил бабулю к единственному сыну, где она вскоре умерла, несмотря на должный уход и лучшее медицинское сопровождение.

Олег же родился здесь, жил до момента, пока не пришло время идти в первый класс, тогда родители забрали его, и остаток своей жизни он прожил уже в столице региона – Петрозаводске. Однако, домом считал небольшой городок на берегу Ладожского озера.

В отличие от покинувшего этот мир друга, Александр не испытывал сентиментальных чувств к неустроенному клочку земли на берегу Ладоги. Городок как городок, подобных по стране миллионы раскиданы, в мире тем более не счесть.

Помпезная церемония, разогнавшая ворон и бездомных псов на местном кладбище, затянулась. Проститься с одним из ведущих предпринимателей края приехали многие, кто-то искренне соболезновал родным умершего, были и те, кто рассматривал похороны как возможность наладить новые знакомства.

Александр скользнул взглядом по Ангелине с посеревшим, осунувшимся, неживым лицом. Она старалась держаться, но любому было понятно, что вдова едва держится на ногах. К ней жались двое дошколят, глядя огромными Звягильскими глазами на происходящее.

Тут же были родители Олега. Их Александр узнал сразу, несмотря на то, что мать не была похожа на себя, она и на человека-то не была похожа – почерневшая, сжавшаяся, трясущаяся и монотонно подвывающая. Отец держался с достоинством, но огромное горе отпечаталось на его лицо каменной маской.

– Примите мои соболезнования, – произнёс Виссарионов, когда пришла его очередь.

Задержался на минуту у гроба, не веря тому, что видит. Ощутил противный холодок по спине и укол в районе желудка – не от голода, скорее от мгновенного ужаса, который настиг, от острого понимания, что жизнь конечна. Понимания животного, не человеческого, разумом.

– Благодарю, Александр, – сдержанно ответил отец Олега, давая понять, что узнал друга детства сына.

Мать тонко и жутко завывала, уткнувшись в плечо мужа. Ангелина сдержанно кивнула. Сынишка Олега посмотрел с интересом на подошедшего. Шестилетке явно было откровенно скучно. В силу возраста он попросту не мог до конца осознать происходящее. Дочка же, на год младше брата, сосредоточено ковыряла носком белого сапожка сырую землю, в которую вот-вот опустят её отца.

Единственное, чего хотел Виссарионов – уйти прочь. Отчего-то свербила мысль, что сам Олег не одобрил бы сборище лизоблюдов и прихлебателей, пришедших посмотреть на горе посторонних людей.

Но протокол есть протокол – он оставался, незримой тенью, находясь рядом с вдовой и родителями Олега на случай, если понадобится помощь, всем существом понимая, что Олег поступил бы так же, несмотря на всё, что произошло между ними.

Сейчас, перед лицом смерти, Александр не понимал, как же он отказался тогда от дружбы. Почему? Ради чего? Да, отказался в первую очередь сам Звягильский, плюнув в лицо всему, что связывало их, от детских воспоминаний до совместного и успешного бизнеса, но, чёрт возьми, какое же это дерьмо – разосраться с лучшим другом из-за женщины.

Неужели он настолько сильно любил Марту? Любил ли он её вообще? Через десять лет и вспомнить-то не мог толком. Видимо, любил. Влюблён был точно.

Марта... Марта была старше Александра на семь лет, почти на восемь, но предпочитала цифру меньше, говорила, что так чувствует себя моложе. Он же не ощущал эту разницу, попросту не видел её. Единственное, что он видел – женщину, в которую влюбился до умопомрачения, причём с первого взгляда, даже полувзгляда зелёных глаз из-под опущенных ресниц, брошенного на него вскользь.

Сейчас он не верил себе, что происходившее десять лет назад было правдой, происходило с ним на самом деле. Вспоминал, будто прокручивал фильм, который смотрел неоднократно. Всё знакомо – сюжет, актёры, финал, – и совсем неинтересно.

Всё находит свой конец. Любовь, жизнь, к облегчению Александра и церемонии прощания тоже подошла к завершению. Люди шепчущейся вереницей потянулись к выходу с кладбища, усаживались в дорогие автомобили, отправлялись кто-то по делам, а кто-то на поминки.

Последнее он решил пропустить. Видеть сборище незнакомых людей в банкетном зале, которые очень скоро скорбное мероприятие превратят в банальную пьянку, не было желания. И уж тем более – превращаться в желанную добычу местных предпринимателей, некоторые из которых уже косились на Виссарионова, не скрывая радости, что персона такой величины посетила их края. Причина визита отлетала на дальний план со скоростью света.

Отходя от свежей могилы, Александр наткнулся взглядом на девушку. Он видел её и до этого, вдали от церемонии, но отчего-то не покидало ощущение, что именно за этим она и пришла. Тонкими руками она теребила скромный букет цветов и ёжилась на прохладном ветру.

Не только руки, она вся была тонкая, словно струнка. Тренч ниже колена, по всем законам делающий фигуру более приземистой, не справлялся с задачей. Худоба была видна, как и бледный цвет лица.

Александр же заметил, что несмотря на внешнюю... незаметность, стоящая девушка была красива. Не просто симпатичная, славная или миловидная, а именно красивая, что отчаянно редко встречается в наш век ботулотоксина и филлеров. Какой-то естественной, при этом будто неземной красотой. Удивительное создание, почти казавшееся призраком на фоне рядов могильных плит и крестов.

Виссарионов отогнал мысли о незнакомке, без разницы, кто она и что делала на кладбище в день, когда хоронили Звягильского Олега. Это не частное кладбище, не закрытое мероприятие, а Александр – не служба безопасности.

У ворот его всё-таки остановили для светской беседы, которую пришлось поддержать и даже взять пару навязанных визиток, дабы грубо не одёргивать «скорбящих». Просто из уважения к другу и вдове покойного, которую прямо в этот момент вели под руки в сторону автомобиля. Дети понуро плелись рядом с дедом, мать же встречали работники неотложной помощи. Не место и не время для неприглядных сцен.

Когда, наконец, он уселся в своё авто, нестерпимо захотелось напиться или увидеть живого человека рядом. Что там говорят про одиночество в толпе?.. Мысленно выругался, вспоминая отказ Веры составить ему компанию в этой «командировке».

Нет, он не ждал душевного тепла от Соколовской, со здравым смыслом он дружил, подругу свою хорошо знал. Вера точно не была создана для утешений, если речь не о постель-

ных утехах, но можно же, чёрт возьми, просто молча постоять рядом. Просто рядом, молча. Можно, но, видимо, не в этой жизни.

Череда дорогие автомобилей тянулась по узкой дороге, вызывая живой интерес у торговцев венками и искусственными цветами. Они глазели на происходящее, как на представление заезжего цирка.

У автобусной остановки, которая представляла собой кузую будку, продуваемую всеми ветрами, с лавочкой от столба до столба, Александр увидел ту самую девушку. Она сидела на скамье, чинно сдвинув ноги, продолжая теревить несчастный букет.

– Девушка, вас подвезти? – спросил он, опустив стекло.

– Не-нет, спасибо, – пискнули ему в ответ.

– Мне не сложно, а вам очевидно холодно, – привёл он аргумент.

– Спасибо большое. Не нужно, – ещё раз пропищала незнакомка.

– Вы боитесь меня? – догадался Виссарионов.

– Нет, что вы, – тихо-тихо, он едва расслышал, ответила девушка.

Александр вышел из машины, подошёл почти вплотную к перепуганному созданию, оглядел с головы до ног. Всё-таки красивая, он не ошибся. И в то же время сливающаяся с окружающим миром, будто невидимка.

– Посмотрите, – сказал он, показывая рукой на любопытных продавщиц, которые сбились в кучку и в упор смотрели на сцену на остановке, должно быть, они даже слышали диалог. – Здесь свидетели, прямо над нами камера, автомобиль мною взят в прокат, значит, в их конторе есть все мои данные, от паспортных до СНИЛСа. Вы в полной безопасности. Куда вас подвезти? – решил он поставить точку вопросом.

– В район ратуши, – прошептало создание.

– Отлично, нам по пути, – ничуть не слукавил Александр.

Городишко был настолько маленький, что в любую сторону пешком, можно было смело характеризовать, как «по пути», а он сидел за рулём автомобиля.

– Как ваше имя? – поинтересовался Александр, когда они свернули на трассу в город.

Всё это время девушка молчала, сосредоточенно смотрела в окно и продолжала издеваться над несчастными цветами.

– Меня Александр зовут, – решил проявить он инициативу.

– Аня, – почти прошептала девушка.

– Анна, значит? Красивое имя.

– Нет, то есть, да, Анна.

– Рад знакомству, Анна, – он решил не обращать внимания на странноватую реплику.

Александр стало легче от того, что в машине находился человек. Анна или нет, неважно, хоть Зареслав какой-нибудь, главное – живое существо, которое дышит, смотрит в окно, дергает стебли цветов. Главное, кто-то находился рядом.

Иногда одиночество сильно давило на позвоночный столб. Чаще всего Виссарионов-младший не замечал его, ему было банально некогда страдать из-за нелепой рефлексии, но случались и такие минуты слабости, когда как обухом по голове, вдруг хотелось человеческого тепла.

– Взаимно, – пролепетала Аня не Анна. – Остановите здесь, пожалуйста.

– Пожалуйста.

Александр и сам не заметил, как они приехали не только в город, но и в нужный район. Расстояние здесь действительно измерялось не километрами, а шагами. Пару шагов в любую сторону – вот и вся округа.

– Спасибо-и-до-свидания, – скороговоркой проговорила попутчица, будто два слова в одном предложении ей было физически сложно произнести, и выбралась из автомобиля.

– До свидания, – всё, что ответил Александр.

Только для чего-то проводил взглядом уходящую фигурку, которая двигалась с поразительной грацией.

Виссарионова Александра женской красотой, фигурой, изяществом было не удивить, в его окружении постоянно мелькали настолько откровенные красавицы, что иногда рябило в глазах. И всё-таки он приклеился взглядом к девушке, спешно переставляющей ноги в обуви на каблук.

Может, стоило продолжить знакомство? Усугубить и углубить, так сказать. Ему необходима компания, раз уж предстоит провести в этом унылом городишке неопределённое время. Спасибо покойному Звягильскому и собственной слабости, не смог отказать в последней просьбе.

Вера? По гамбургскому счёту, он ничего не обещал Вере, она ему тоже. Иногда у Александра случались поверхностные связи, лёгкие, ничего не значащие, но обязательно приятные. Тратить хотя бы полминуты своего времени на неприятную особу он бы не стал никогда в жизни. Сокольская об «изменах» не знала, вернее, делала вид, что не знает. Уж она-то не была наивной дурочкой, верящей в моногамию вне брака. Впрочем, она и в брак, как институт, не верила.

«Потеря времени, а если нет мозгов, то и денег», – вот, как она характеризовала ячейку общества.

Решено! Почему бы не эта Аня не Анна? Странная, при этом космически красивая. Увидеть её без плаща, а к ночи обнажённую, чем не прекрасный план?

Удушливое волнение поднялось к груди, разлилось теплом в паху, воображение мгновенно подбросило несколько откровенных картинок, говоря, что несколько дней без секса для молодого мужчины не ерунда, которую можно проигнорировать.

Вышел из машины, поспешил по той же дорожке через сквер, огляделся. Девушка словно испарилась, а ведь в округе и домов жилых не было, лишь несколько забегаловок, где пропаша так же не обнаружилась... Колдовство какое-то!

Виссаринов мотнул головой, оставалось только поверить в эзотеризм, призраков и прочие сказки для скучающих домохозяек. Аня могла работать в одном из кафе, скрыться в подсобном помещении. Рядом находилась какая-то государственная контора, куда тоже могла зайти девушка. А чуть дальше тропинка выбиралась на соседнюю улицу, где и вовсе бурлила жизнь.

Что ж, значит, сегодня вечером Александра ждёт работа, ночью же можно себе и рукой помочь. Нехитрое действо, которое осваивает любой мальчишка ещё в школе и практикует всю жизнь. Виссарионов-младший не был исключением, это всяко лучше, чем бездумная, бесперспективная, лишённая малейшей симпатии смена партнёров.

И всё-таки... Куда ты пропала, красивая девушка с букетом?

Глава 4

Александр плохо спал. Нервировало буквально всё, от гостиницы, в которой он остановился, до неизвестно откуда взявшегося навязчивого нежелания находиться в одиночестве.

Он отдавал себе отчёт, что крохотном городишке не нашлось бы места для ночлега лучше, чем его номер, а чувство одиночества и вовсе блажь, которую стоило выкинуть, как ненужный мусор, но ничего не мог поделать с собой. Ни попытки работать, ни несколько ничего не значащих бесед, ни дурацкая попытка развести на секстинг Веру не помогли.

– Виссарионов, ты же умный человек, – отчеканила любовница в трубку. – Тебе прекрасно известны возможные последствия подобных глупостей, поэтому, прости, но нет.

– Нет и нет, – спокойно ответил Александр и под благовидным предлогом распрощался. Действительно, что на него нашло?

Просто день такой. Похороны Звягильского заставили выползти непрошенные воспоминания и скрести на душе, как ободранные, оголодавшие кошки.

Вспоминался Олег, что было объяснимо. Как они, ещё совсем юные, безбашенные, отрывались одним прохладным летом в этих местах. Брали катера, мотались с нарушением всех правил безопасности, прихватив с собой парочку симпатичных девчонок, в которых готовы были влюбиться раз и навсегда, как возможно только в дурной юности.

Вспоминалось, как, спустя не один год, они влюбились в одну женщину – Марту. Что сейчас, спустя годы, Александр мог легко объяснить. В двадцать пять лет, после бурного времяпровождения в крупнейших столицах мира, оказаться в провинциальном городе, без привычных развлечений, было мучительно для молодых, жаждущих развлечений организмов.

Единственный кабак, претендующий на звание «респектабельного», был, по сути, рассадником пошлости и местом сборища местных криминальных авторитетиков, ещё не доросших до масштабных дел.

Несколько залов, в одном из которых изгибались ушлые, на любой вкус стриптизёрши, готовые за малую мзду оказать услуги куда более интимного характера, чем приватный танец. В другом с четверга по воскресенье играла живая музыка, пела всегда одна и та же певица. Красивая, с голосом и взглядом вязким, как мёд, и с экзотическим для этих мест именем Марта.

Кто реально мог заинтересовать пышущих здоровьем, силой и достатком парней? Какой был выбор? Милые выпускницы школ, краснеющие невпопад, которые лопотали что-то на своём, полудетском, или прожжённые девахи с потными телами, побывавшие не под одним десятком мужиков? Быдловатые выпускницы местного профтехучилища? Нет.

Оставалась одна-единственная певица с джазовым звучание голоса и внешностью жарптицы.

Сейчас об этом можно вспоминать с улыбкой, тогда было серьёзней средневековой чумы.

Виссарионов прошёлся несколько раз по номеру, оглядел скудный интерьер, бросил в раздражении пачку сигарет на стол из дешёвого ДСП, уставился в окно.

Последние недели лета, но осень уже витала в воздухе, повисла невидимым облаком, окутав туманом и ветрами, от которых гнутся пышные, ярко-зелёные шапки деревьев.

Он несколько раз за утро набрал номер Лесонен Анни. Безрезультатно. Она не брала трубку. Звонить её бабушке не считал нужным.

Что он знал о внезапно появившейся дочери Марты? Фамилия, имя, отчество, дата рождения, паспортные данные. Знал, что в детстве девочка тяжело болела – это и стало причиной разрыва между ним и Мартой.

Номер телефона, который не отвечал. Номер школы, которую окончила, институт, в котором числилась.

И то небольшое, что рассказал Олег в те несколько дней, которые Александр провёл во Франкфурте-на-Майне. По сути же – ничего.

Звягильский действительно избегал личного общения с Анни и её бабушкой. Переводил деньги, иногда через доверенных лиц интересовался здоровьем подопечной, не нужна ли более серьёзная помощь, на этом всё – аттракцион щедрости справедливо закрывался. Олег и без того делал то, чего не должен был по законам, как юридическим, так и общепринятым, человеческим.

С Мартой они не поженились, как оказалось, не успели. И эта девочка, Анни, по сути, оставалась посторонним человеком для него.

Александр мог бы подумать, что иррационально волнуется перед встречей с дочерью той, которую когда-то любил, считал, что любил, но ничего подобного он не чувствовал.

Единственное чувство, которое болталось в нём тем утром – раздражение. От ситуации, от паршивого матраса и ещё более отвратительного кофе, поданного в номер. А желание – смыться из этого городишки.

Выполнить обещание, данное Звягильскому, поговорить лично с этой Анни, в крайнем случае – с её бабушкой, и впоследствии убедиться, что Лесонен вступила в наследство тех копеек, что оставил ей Олег.

Справедливости ради, для среднестатистического гражданина страны, тем более проживающего в дотационном регионе – это огромные деньги. Можно было купить приличную квартиру в столичном регионе или недвижимость за границей, плюс дом на берегу Ладожского озера, который тоже не копейки стоил.

Отлично для студентки второго курса местного института. При должном подходе можно обеспечить себя пассивным доходом до конца дней.

Вышел на улицу, забрался в автомобиль, адрес в навигатор вбивать не стал, решил, что легко найдёт по памяти. Чем раньше закончит с этим неприятным делом, тем скорее вернётся к своей налаженной жизни.

Типовая пятиэтажка встретила шумом на детской площадке, расположенной рядом. Малышня ковырялась в покосившейся песочнице, рядом кучковались мамочки, вынужденные торчать на пяточке земли дважды в день – ребёнку, говорят, нужен свежий воздух. Тут же носились подростки, точно так же, как когда-то бегал Александр под окнами бабушки. Спешили бодрые пенсионеры, сгорбившиеся от пьянки мужички, тётки с котомками. Обычная картина для любого подобного двора в любой точке страны.

Дверь подъезда открыл пацанёнок лет девяти. Александр подождал, пока тот выскочил, и зашёл внутрь. Лестница, отсутствие лифта, кособокие почтовые ящики, еле слышимый запах кошачьей мочи – ничего другого он не ожидал, но всё равно невольно сморщился.

Всё, что видел Виссарионов, было настолько далеко от его привычной реальности, что хотелось сейчас же отпрыгнуть в свою вселенную, забыв, что существует эта – с запахом кошек, с неработающим и всё равно вонючим мусоропроводом, серыми ступенями, издевательски окрашенными красной полосой по краям, словно ковровая дорожка.

Позвонил в звонок металлической двери с нужным номером. Дверь через минуту открылась, на пороге показалась... та самая пропавшая девушка с букетом. В этот раз без букета, естественно.

– Да? – во взгляде вчерашней попутчицы мелькнуло узнавание.

– Добрый день, Лесонен Анни здесь проживает? – стряхнув накативший неясный морок, спросил Александр.

В конце концов, это могло быть просто совпадение. Аня не Анна, заставившая его прочесать сквер вдоль и поперёк, не обязательно та, кого он искал. А если и так, какое ему-то дело? Разве это могло что-то изменить и хоть на что-то повлиять?

Всё, что интересовало Александра – это короткий разговор и скорый отъезд домой. Остальное – блажь воспалённого воображения после бессонной ночи!

– Это я, – тихо ответила девушка.

К этому времени Александр скользнул взглядом от головы до ног говорящей и сделал вывод – она была ещё более красива, чем вчера. При этом, что совершенно необъяснимо, он не мог чётко ответить, чем именно.

Несомненно, бросалась в глаза фигура. Стройные ноги, которые выглядывали из-под простых трикотажных шорт, аккуратные колени, тонкие щиколотки, пальцы ног с неброским педикюром.

– Я по поручению ныне покойного Звягильского Олега Максимовича. Вам знакомо это имя?

– Ох, – побледнела Анна. Или всё-таки Анни. – Вы адвокат? – нахмурилась она.

– Почти. Я могу пройти? – спросил он как можно более учтиво.

Уж слишком бледной стала девушка, не то испуганной, не то растерянной.

– Да, да, – она поспешно распахнула дверь.

Александр оказался в довольно просторной прихожей, несвойственной для квартир в подобных домах. Квартира выглядела скорее как добротный эконом-сегмент в новостройках последнего десятилетия, нежели советская «брежневка», коей и должна быть по планировке. Две комнаты, кухня никак не меньше пятнадцати метров, соединённая с прихожей широким коридором. Более чем приличный ремонт.

Естественно, для Виссарионова Александра Павловича «хоромы» выглядели усмешкой, в которую он бы постеснялся поселить комнатную болонку, но здравый смысл подсказывал, что живущие здесь люди не бедствуют по рамкам своего же окружения.

Анна жестом пригласила на кухню, прошла вперёд, невольно открывая взгляду стройные, при этом сформированные бёдра, подтянутые ягодичы, совершенно бесстыжим образом обтянутые трикотажем, и тонкую талию, спрятанную под обычной футболкой. Тонкие руки с вытянутыми кистями и изящная шея с завитком волос под убранными в пучок волосами дополняли идеальный образ.

Чёрт возьми. Эта девушка была идеальной. Если бы Александр хотя бы раз задумался о том, как выглядит идеальная, безупречная красота, он бы точно описал ту, что видит перед собой. При том, что по нынешним стандартам, она была так же далека от образца прекрасного, как Нептун от Земли.

– Что ж, – начал он, дабы не задерживать ни себя, ни собеседницу, а главное – не сорваться на недопустимый в данных обстоятельствах флирт на грани приличия.

Было странно в тридцать пять лет чувствовать, что завёлся, как сопливый мальчишка, впервые увидевший грудь.

Анни молча слушала всё, что говорил Виссарионов, кивала в нужных местах, вздыхала, в итоге сказала, что, конечно, постарается вступить в наследство, несмотря на то, что происходящее страшно смущает её. Постарается – слово, которое категорически не понравилось Александру.

– Нужно не стараться, а вступить. В этом нет ничего сложного, и такова последняя воля Олега Максимовича. Стоит уважать её, понимаете, Анни? Или Анна?

– Анни... вернее, Анна.

Александр нахмурился. Девушка, эта Анни-Анна, производила странное впечатление. Помимо того, что одурающе, совершенно некстати вызвала в нём почти животную страсть, несвойственную пресыщенному женщинами, самодовольному, тридцатипятилетнему мужчине, Анни выдавливала слова, будто через силу, испуганно, возможно, так оно и было.

Он не исключал, что чем-то пугал это создание, несмотря на то, что старался сбавить обороты, помнить, что не на совещании со своими топ-менеджерами, которые получали круг-

лые суммы в том числе за то, что с них дерут три шкуры, не выбирая выражений, если того требуют обстоятельства.

Вероятно, свалившееся наследство действительно заставляло Анну-Анни чувствовать себя неловко, кто знает. Может быть, она скорбела по Звягильскому, которому злой рок помешал стать её отчимом. Александр ни черта не знал об истинном отношении Олега к дочери Марты.

Но, чёрт возьми, теряться каждый раз, когда спрашивают имя?..

Анна или Анни? Просто вопрос, на который должен быть такой же простой ответ. Как она привыкла, чтобы её называли?

Александра по большей части звали «Александр Павлович» или «Александр», в зависимости от обстоятельств, и только самые близкие люди могли называть Сашей или вовсе Саньком, последних он не помнил, слишком давно его звали только полным именем.

Из мыслей выдернул настойчивый звонок в дверь, вперемежку с ударами. Кому-то явно не терпелось ворваться.

Анни поспешила к двери, посмотрела в глазок, со вздохом открыла. В тихую квартиру ворвался отборный мат, а следом влетел здоровенный детина в серых тренировочных штанах, резиновых шлёпках и мятой футболке, натянутой на выпирающее пузо.

– Я предупреждал тебя? Предупреждал?! – орал влетевший, потряхивая небритой, красной мордой.

– Но... но... я... – мямлила Анни, отступая на кухню.

Александр поднялся, сделал несколько шагов вперёд, протянул руку и завёл за свою спину перепуганную, заикающуюся девушку.

– Проблемы? – сказал он, едва сдерживая себя, чтобы не размазать нос по перекошенной харе незваного гостя.

– Я предупреждал мерзавку, чтобы не смела греметь в обед, когда дети спят! Добром просил, по-хорошему уговаривал, увещевал, как человека. Нет же, гремит и гремит, гремит и гремит. Два часа нельзя не шуметь на весь подъезд?! Почему мои дети снова не могут спать из-за этой твари?!

– Когда они не могут спать? – уточнил Александр, в общем-то, зная заранее ответ.

Достаточно было понимания, как устроена звукоизоляция в домах этой серии – никак. И беглого взгляда на недорогой ламинат и стулья, к ножкам которых примотан войлок для кустарной звукоизоляции.

– Сейчас! Прямо сейчас не могут! И всё из-за грохота этого. Ширк, ширк. Бам, бам, бам! Целыми днями! Достало!

– Давай-ка выйдем, – отрезал Александр, показав в сторону распахнутой настежь двери.

– Я не с тобой пришёл разговаривать, – заупрямился голосащий.

– Сегодня я за неё, – надавил интонационно Виссарионов, заставив ретироваться, а потом и вовсе попятиться к выходу красномордого.

Не успели выбраться на лестничную площадку, Александр одним движением зажал мужлана между стеной и своей рукой, придавленной к горлу – не зря много лет занимался единоборствами, еженедельно выходя на спарринги.

– Послушай, урод, если ты ещё хотя бы раз поднимешься сюда и повысишь голос на Лесонен Анни, если в твою тупую башку придёт мысль посмотреть косо в её сторону, твоим детям негде будет спать, потому что их отец останется без работы, жилья и здоровья.

– Да она же! Она!..

– Посмотри на себя, дерьмо, вместо того, чтобы девчонку бессловесную пугать, подумай о том, как условия жизни своим детям улучшить, или слабо? Только на писюху, боящуюся «кыш» кошке сказать, вопить можешь?

– Да ты знаешь, что она творит?!

– Я знаю, что я сейчас сотворю, и поверь, тебе это не понравится, – отчеканил Александр, нажав на кадык и без того покрасневшемуся мужику. – Вали отсюда. Сейчас же!

Мужик отскочил, ошарашенно глядя по сторонам, с откровенным испугом – на Виссарионова. Не ожидал, падла, когда поднимался с воплями к почти бесплотному созданию, что получит отпор.

– Мы поняли друг друга? – в спину убегающему по лестнице уточнил Александр.

– Поняли, – каркнул тот в ответ.

Вот и хорошо, что понял.

– Зачем вы так?.. – вздохнула иссиня-бледная Анни. – Там же правда дети, а я стул... переставила, действительно шумела.

– А дышала ты не слишком громко? – от неожиданности Александр перешёл на «ты», не спросив позволения.

Стул она переставила! Господи, что за существо стояло перед ним? Кажется, до Виссарионова с трудом, но всё-таки доходил смысл просьбы Звягильского...

Это полумифическое, почти инопланетное существо, похоже, действительно могло отказаться от наследства, уступить, отступить при малейшем давлении, испугавшись щелчка пальцев Ангелины.

– Давайте прогуляемся, Анни, – произнёс он, не до конца понимая, зачем.

Хотелось выбраться из душного помещения, чтобы прохладный ветер ударил в лицо. Остудить мысли, чувства, желания, рвущиеся наружу так некстати, не вовремя, с неподходящей девушкой. И не хотелось выпускать из виду Анни.

Глава 5

На что надеялся Александр, какова была цель прогулки с этой странной, вызывающей нешуточное волнение девушкой, он и сам толком ответить не мог.

«Прогуляться».

В его лексиконе не существовала слова «прогуляться». Он не мог себе позволить тратить время на такую ерунду, как бессмысленное топтание земли. Бег по утрам в парковой зоне – да. Неспешные шаги по дворцовым комплексам и паркам в культурологических целях, куда его вечно затаскивала Вера в совместных путешествиях – да. Чем чёрт не шутит, какой-нибудь экстремальный поход в странах третьего мира – тоже вариант.

Но вот так, бесцельно ступать по тропинкам небольшого сквера, брести среди зацветающих осенними цветами, плохо ухоженных клумб, таращиться на синее небо с дымчатыми облаками – нет и ещё раз нет.

Что за городишко! Ресторанов приличных, и тех нет, несколько закусочных и ларьков с шаурмой не в счёт.

– Значит, учитесь на юриста? – спросил Александр для поддержания беседы.

Молчание начинало угнетать.

– Да, на втором курсе, – ответили настолько тихо, словно учёба в филиале регионального университета постыдная тайна какая-то...

– Нравится? – Александр глянул на собеседницу.

Невольно вспомнилась Соколовская – вот она точно была юристом. Всегда поставленный голос, уверенный взгляд, твёрдая походка, элегантные, стильные костюмы, идеальная укладка.

Рядом же с Виссарионовым шла девушка в мешковатом спортивном костюме, кроссовках и с поясной сумкой, застёгнутой через плечо – всё в пастельных тонах, которые делали Анни невидимой. И каким-то, совершенно непостижимым образом, более привлекательной.

Просто ерунда какая-то. Блажь, которая непрошено поселилась в голове, осела теплом в груди и опустилась тяжестью в пах – и всё это совершенно неуместно здесь, сейчас, с этой девушкой.

– Не-е зна-а-аю, – неуверенно протянула Анна, или Анни. – Скорее нет, чем да, – подытожила она.

– Может, стоит рассмотреть варианты другого образования?

– Здесь нет выбора институтов, – сказала она, в общем-то, очевидную, но в целом странную вещь.

Здесь нет, а в стране – полно. В мире же и вовсе море разлитое. К тому же, в наш век вовсе не обязательно впустую тратить четыре-шесть лет на высшее образование, если по факту оно тебе не нужно. Существует масса возможностей для развития – только хватай, осваивай, стремись и получай.

– Бабушка не хочет отпускать меня в другой город...

– Заочная форма обучения, дистанционная, экстернат... – в растерянности начал перечислять Александр. – Вариантов масса, к тому же, насколько я понимаю, финансово вы могли себе позволить платное обучение, Олег Максимович оказывал поддержку.

– Да, спасибо ему огромное. Жалко, что так... всё случилось.

– Мне тоже, – искренне ответил Александр.

Ему было жалко, чудовищно жалко, что жизнь оказалась сукой для Олега Звягильского. Жалко, что он сам потерял десять лет дружбы с отличным парнем, хоть и порядочным говнюком, если поступил так, как поступил... Нестерпимо жалко. Не стоили переживания десятилетней давности потерянных лет дружбы.

– Но что с бабушкой? – вернул он разговор в прежнее русло.

– Она не хочет отпускать меня в другой город, считает, что это опасно.

– Знаете, все не хотят отпускать своих детей, это нормально, но процесс сепарации должен произойти так или иначе, – он сам не заметил, как добавил твёрдости в интонации, будто приказывал подчинённой немедленно отделиться от собственной бабушки.

Анна-Анни замерла, напряглась, попыталась втянуть шею в плечи, спрятаться, как перепуганная черепашка.

– Прости, – прошептал он, снова переходя на «ты».

– Кстати, о бабушке, – решил переменить он тему. Пусть это полумифическое создание живёт так, как ему комфортно. В конце концов, всегда можно купить пару квартирок, сдавать посуточно туристам – на хлеб с молоком точно хватит. – Вы живёте отдельно?

– Вместе. Она сейчас на работе. Она консьержкой в Мысе работает. Это элитный жилой комплекс, – тут же пояснила она. – Раньше в школе работала, но там болеют часто, потом в поликлинике, в гардеробе – там ещё хуже, – вздохнула собеседница Александра. – А до этого она долго со мной сидела, не работала... Вы только ей не говорите, что Василий приходил, – вдруг встрепенулась Анна, или Анни.

– Кто? – опешил Александр, скорее не от упоминания некоего Василия, а от неожиданно длинной тирады из пухлого рта.

– Сосед, который приходил. Бабушка пойдёт к нему ругаться, потом ей плохо будет, давление, сердце. Он на самом деле неплохой человек, просто нервный очень.

– Заметил.

– Не скажете бабушке? – пискнула заступница здоровенного мужика в растянутых трениках, который уж точно не нуждался в защите почти инопланетного существа.

– Я подумая, – невольно усмехнулся Александр.

Было в этом «не говорите бабушке» что-то такое... наивное, детское, забытое им за давностью лет и ненадобностью. Когда-то он тоже боялся расстроить бабушку, хотя, конечно, без усталости расстраивал мальчишескими, а после юношескими выходками.

– Послушайте, – решил задать он вопрос, который отчего-то не давал покоя. – Всё-таки, Анна, Аня или Анни? По документам Анни, я знаю, а в формальном и неформальном общении?

– Анни – карельский вариант имени Анна.

– Ну, а друзья, учителя, молодой человек, как называют?

– У меня нет друзей... и молодого человека тоже, все остальные называли и называют Аня, бабушка говорит, что это меньше меня выделяет...

Интересно. Меньше выделяет?... Как имя, пусть и слегка необычное по звучанию, может выделять, и главное, с каких пор это стало пороком для молодой женщины, девушки? Разве стремиться к тому, чтобы заметили, выделили – не основная черта женского пола? Если бы это было не так, индустрия красоты и потребления загнулись бы в корчах.

– Хорошо, а если откинуть мнение бабушки? – продолжил давить Александр.

– Откинуть мнение бабушки?..

– Откинуть. Это просто. Анна, Аня или Анни?

– Анни, тогда Анни. Так назвала меня мама...

– Приятно познакомиться, Анни, – он проигнорировал воспоминания о Марте. – Приятно познакомиться, Александр. Близкие люди называют меня Саша.

– Близкие?... – растерялась Анни.

– Мы можем ими стать. На какое-то время, – выдохнул Александр, встав вплотную к стройному телу.

Он наблюдал, как расширяются глаза у стоящей рядом, совсем близко, на расстоянии дыхания. Видел, как ветерок колышет прядь светло-русых волос у виска, что светло-карий цвет радужки словно покрыт янтарной крошкой у зрачка, и от него разбегаются тёмные лучики,

на бледном лице проступают веснушки, почти невидимые глазу, медовые. И губы, розовые и пухлые, какие-то... невинные губы, нецелованные, будто по внешнему виду это возможно определить.

– Простите? – отшатнулась Анни, отошла на крошечный шаг и посмотрела хмуро на Александра.

– Прошу прощения, забылся, – одёрнул себя Александр.

Буквально выдернул из вязких фантазий, в которые успел погрузиться за несколько секунд настолько глубоко, что реальность со сквером, деревьями, листвой и горько пахнущими астрами хлестнула наотмашь.

– Я пойду домой, – тихо ответила Анни. – Обед надо... и... я пойду.

– Я провожу, – поставил он в известность, внутри ругая себя на чём свет стоит.

– Не стоит, – буркнули ему в ответ.

Анни ускорились, поспешила по тропинке в сторону, обхватив себя руками за плечи, сжавшись так, словно становилось невыносимо холодно. Впрочем, действительно подул ветер, обещали штормовое предупреждение – в этих краях не редкость.

– Прошу прощения ещё раз, – в два шага Александр догнал Анни.

Прикасаться не стал, решил не рисковать... Рисковать чем? Кто бы ответил, чем именно. Мнением об успешном бизнесмене Александре Павловиче Виссарионове девятнадцатилетней студентки, которая по сей день живёт по указке бабушки? О сыне того самого Виссарионова, чьё имя ассоциируется с властью, деньгами и криминалом.

Доверием этой самой студентки? Смешно, ей богу. Она не деловой партнёр, даже не работница службы доставки в его офисе, рассчитывающая на малую мзду за свои труды, которая развернётся сразу, как только фирма не исполнит трудовые обязательства.

Отсутствием острого чувства одиночества, которое снова накатило, как только Анни отошла на несколько шагов, а вот его-то как раз совсем не хотелось ощущать. Иррациональное и глупое чувство. Человек приходит в этот мир один и уходит тоже один, значит, устроен так, что одиночество не должно его мучить... Назойливое общение неприятных людей – да, нарушение личных границ – сколько угодно, а одиночество – естественное состояние для любого человека. Для Александра точно.

Однако... загрызло под ложечкой.

– Анни, ты красивая девушка, честно говоря, самая красивая из всех, кого я встречал, поэтому у меня немного помутилось в голове. Это больше не повторится, я взрослый мужчина и умею держать себя в руках.

Анни, естественно, ничего не ответила, Александр и не ждал от этого существа красноречия. Перестала нестись – уже хорошо. Скосила взгляд на собеседника – отлично.

– Пристань? – спросил он специально, чтобы перевести разговор, указывая рукой на асфальтированную дорогу, ведущую вниз, к серому озеру, где действительно находилась пристань.

– Да, – кивнула Анни.

– Посмотрим? – он легонько дотронулся до рукава толстовки Анни.

Плотный трикотаж не дал почувствовать тепло руки, но и лишь воображаемое тепло прострелило пальцы и пустило жар желания по телу.

– Ладно, – пожала плечами Анни, свернув на дорогу к причалу, которая шла мимо малоэтажных домов, часто деревянных, ещё довоенных.

Некогда Финская, Шведская территория хранила в себе память предыдущих хозяев, смешав за годы советской власти и последующего развала всего, культуру, архитектурные стили, следы воин.

Потоптались у пирса. Ряд катеров медленно покачивался на воде, с шумом ударяясь бортами о мелкие волны. Вальяжно отчаливал метеор, набитый под завязку туристами. Рядом

топтались не успевшие на рейс или любопытствующие стоимостью и графиком поездок. Самой собой, рядом мельтешили продавцы экскурсий, которые только смогли выдавить из себя представители туристического бизнеса в этом месте. Рядом же бойко торговали нехитрыми сувенирами и копчёной рыбой, оглушающе пахнущей на всю округу.

– Ребята, не хотите прокатиться?

К ним бодро подошёл мужчина, примерно ровесник Александра, небрежно посмотрела на тех, к кому обращается, и тут же начал расписывать красоты, которые может показать за малые копейки, лично для них – почти бесплатно.

– ... все возвращаются на шхеры¹, – втирал бодрый мужичок, пока не остановился на полуслове, прищурился и не выдал: – Сашка? Виссарионов? Ты, что ли?

– С кем имею честь? – Александр попытался вспомнить говорящего, ничего не выходило.

Со времён истории с Мартой прошло десять лет, а со дня, когда он увёз отсюда бабушку, все пятнадцать, если память ему не изменяет. Он общался с кем-то из местных, дружил, пил, гулял, а сейчас забыл всех.

Помнил лишь Звягильского, но тот лежал в могиле, да Петра, которого родная бабулька упорно звала на карельские лад – Пекка, с ударением на первом слоге, чем вызывала неизменный смех у друзей.

– Пётр я, – вдруг выдал этот незнакомый, коренастый торговец впечатлениями с поредевшей шевелюрой и изрядным животом, уходящим в плотные бока.

– Пекка? – не поверил Александр.

– Он самый, – пристань огласил громогласный смех, больше похожий на ржание коня.

Не оставалось никаких сомнений, что это именно Пекка, только он мог издавать тогда ещё тощим телом такие оглушительные звуки.

– К Олегу приехал? – спросил Пётр после дружеских объятий и рукопожатий.

– Да.

– Горе какое... Глупо как-то, несправедливо.

Помолчали, что тут скажешь. Глупо и несправедливо. Гадко, противно, хоть вой от злости на мир, себя, господ бога, если он есть, но ничего не попишешь, не изменишь, не вернёшь.

– Ты же в мореходке учился, в Питере, – вспомнил Александр. – Не сложилось?

– Почему же, сложилось, отлично всё было, но тут оно роднее как-то, привычней, да и... – махнул он неопределённо рукой, явно не договорив, скосил взгляд на молчавшую Анни.

– Анни, это мой друг детства Пётр, а это – Анни, моя знакомая, – очнувшись, представил Александр свою спутницу.

Постояли ещё минут пять, Александр слушал имена тех, с кем провёл детства и не мог вспомнить, скорее не хотел. Посторонние люди, чужие, ненужные ему здесь, сейчас и уже никогда в будущем. Вот Петра, Пекку он был искренне рад видеть.

– Говоришь, твои катера? – он показал глазами на покачивающиеся судна.

В общем-то, не бог весть какого класса для зажавшегося Виссарионова, но всё равно отличные рабочие лошадки. То, что нужно для крепкого малого бизнеса.

– Мои, – с гордостью ответил Пётр.

– Анни получила в наследство дом на берегу Ладожского, – Александр назвал населённый пункт, где находится дом, оставленный Звягильским, ткнул в точные координаты на телефоне. – Туда ведь можно на твоём рысаке добраться? Пристань там есть, точно знаю.

– Можно, – кивнул Пётр, бросив ошарашенный взгляд на Анни. – Сегодня уже Ладога красным показывает², а вот завтра после обеда – домчим.

¹ Шхёры (швед. – утёс, скала в море) – архипелаг, состоящий из мелких скалистых островов, разделённых узкими проливами и покрывающих значительную часть прибрежной морской полосы, окаймляя берега шхерного и фьордового типа.

² Штормовое предупреждение. Просторечие.

- Что скажешь, Анни? – повернулся Александр к наследнице.
- Но...
- Рад, что ты согласилась, – спокойно ответил Виссарионов.

Глава 6

Каково же было удивление Александра, когда на следующий день он, подъехав к дому Анни, увидел рядом со знакомым подъездом женщину, крепко держащую объект его непрощенной симпатии за руку.

Он заглушил двигатель и выбрался из комфортного салона. Анни встрепенулась, тут же у нему направились та сама женщина, очевидно, бабушка подопечной Звягильского. Изрядного пенсионного возраста, сухопарая, высокая, с тонкими губами на узком, сморщенном лице. Ничего общего с ассоциациями, которые возникают со словом «бабушка». Пирожки с капустой для оравы внучат такая особа печь не станет, а вот ходить строем заставит наверняка.

– Александр Павлович, – отчеканила бабуля. – Меня зовут Антонина Захаровна, я – бабушка Ани. Как я понимаю, вы предлагаете сегодня посмотреть дом, который достался ей по завещанию.

– Совершенно верно, – Александр чуть поклонился, с лёгким удивлением глядя на Антонину Захаровну.

Антонина, Тоня... более неподходящего имени для этой сухой старухи с поставленным, как у военачальника, голосом, пожалуй, не придумать.

– Я еду с вами! – заявила старуха.

– Простите?

Александр не опешил, не удивился, наверное, что-то подобное он ожидал. Посмотрел на молчаливо стоящую в стороне Анни, которая вцепилась бледными тонкими пальцами в небольшую сумку-рюкзак.

– Я еду с вами. Не думаете ли вы, что я отпущу Аню одну в компании совершенно незнакомого мне мужчины?

– Именно так я и думаю, – улыбнулся Александр.

– Это недопустимо, как взрослый человек вы должны это понимать.

– Почему же? – всё с той же улыбкой поинтересовался он.

У Виссарионова были деловые партнёры из разных концов света, в том числе тех, где пригласить девушку без сопровождения действительно недопустимо. Разговаривать с ней без присмотра старших родственников и серьёзных намерений – и то запрещено. Встречались и приятели, успевшие стать родителями несмышлёных малышей, которых звать на увеселительную прогулку стоило только после предварительного разговора с родителями. Если бы Александру вообще пришло в голову что одно, что второе. Здесь-то что за причина? Семья Анни вряд ли исповедует ислам, а сама она перешагнула порог совершеннолетия, успела даже на второй курс института перейти.

– Я не знаю вас, впервые вижу и не собираюсь отпускать с незнакомцем ребёнка!

– Уверен, вы навели обо мне справки, – спокойно ответил Александр. – Уверяю вас, у меня нет цели обидеть Анни, причинить ей вред. Поймите, у меня нет ни времени, ни желания заслуживать ваше расположение, входить в доверие, более того, мне это не нужно и неинтересно. Я собираюсь показать наследуемое имущество Лесонен Анни, для этого зарезервировал два места на катере. Два, а не три. Если вы имели твёрдое намерение направиться вместе с нами, должны были сообщить заранее, а сейчас никто не станет высаживать пассажира ради вашей прихоти.

– Мы можем отправиться позднее, – продолжала настаивать Антонина Захаровна.

– Не можем. Моё время не бесконечно. Анни – совершеннолетний, дееспособный человек, именно ей завещано имущество, и я не вижу ни одной причины в вашем сопровождении взрослой внучки.

– Знаете, что! – Антонина Захаровна подобралась, как пантера перед прыжком. – Значит, она не поедет вообще! Я не отпускаю её. Аня, домой, сейчас же!

– Значит, не поедет, – Александр равнодушно пожал плечами. – Если вы считаете, что Анни не нужно своими глазами убедиться в том, что недвижимость, за которую ей придётся в будущем платить немалый налог, действительно существует и находится в пригодном состоянии, она может остаться дома.

– Но?.. – опешила Антонина Захаровна, отступив на пару шагов от собеседника.

– Вы хотите, чтобы Анни получила кота в мешке, за которого потом платила со своих скромных доходов?

– Нет.

– Тогда будьте любезны, оставьте свой пыл. Анни? – он посмотрел на девушку, которая всё так же стояла, понуро опустив голову. – Нас ждут.

– Хорошо. Надеюсь, к семи вечера, как обещано, вы вернётесь, – каркнула старуха.

– Не сомневайтесь, – спокойно ответил Александр и открыл дверь автомобиля, куда через несколько секунд бесшумно скользнула Анни, окутав сладким и одновременно древесно-свежим ароматом, как пахнет сама юность и край, где они находились. Карелия.

– Добрый день, – произнёс он, когда сел за руль и посмотрел на пассажирку.

– Добрый, – пискнула та в ответ, щёки при этом едва заметно порозовели. – Извините, – добавила она, посмотрев в лобовое стекло на улицу, где осталась стоять Антонина Захаровна, изображая памятник оскорблённой добродетели.

– Ничего страшного, я понимаю, – солгал Александр.

Он не понимал подобной заботы. Это казалось ненормальным, нет, это и было ненормальным, вернее – нездоровым... Возможно, девятнадцать лет не самый взрослый возраст, вероятно, для бабушек внуки навсегда остаются маленькими, несмышлёными детьми, требующими неустанной заботы, но ведь и малышей стараются приучить к самостоятельности в пределах здравого смысла.

Как же часто взрослые неосознанно уродуют своих детей, превращая их в заложников собственных страхов, комплексов, нежелания видеть мир таким, каков он есть. Хуже только, когда они делают это осознанно, с циничной расчётливостью и единственной целью – навсегда привязать к себе. На внутренние рассуждения о мотивах бабули не хватило времени, показался причал.

Александр остановился, вышел, обошёл машину, подал руку Анни, помогая выбраться. В очередной раз отметил собственную реакцию на нечаянную секундную близость с этой странной девушкой. Постарался отбросить в сторону неуместную жажду, практически граничащую с похотью. Сумасшествие какое-то!

– О, здорово! – услышала он голос Петра. – Доброго денёчка, – обратился тот к Анни.

После недолгих приветствий Пётр продолжил:

– Вас Руслан, племяш мой родной, доставит. Катер новый, движок отличный, опыт у парня есть, не сомневайтесь. Я чуть позже буду, дела, – он кивнул в сторону покачивающихся катеров. – А вечером посидим, поговорим по-человечески, не на ходу. Не возражаете? – он посмотрел на приятеля детства и его спутницу.

– Нет, – улыбнулся Александр. – Где посидим-то? Я здесь ни одного ресторана не видел.

– Зачем ресторан? У меня же дом недалеко от звягильских хором, там и посидим. Не помнишь, что ли? – усмехнулся Пётр. – Не мудрено, столько лет прошло. Участок Олегу от деда с бабкой достался, раньше там рабочий посёлок стоял, потом всё разваливалось потихоньку, как и везде, люди уезжали, перебирались в города. Сейчас восстанавливается – москвичи, питерцы покупают землю, коттеджи строят, сдают в аренду туристам.

– Тоже купил?

– Зачем? У меня ещё прабабка там жила, повезло. Считай, семейное гнездо.

– Раз гнездо, давай посидим. Магазины поблизости есть?
– Этого добра навалом, – засмеялся Пётр. – Всё для господ отдыхающих.
– Не возражаешь провести время в хорошей компании, Анни? – поинтересовался Александр.

– Нет, – ответила та.

«Нет, не возражаю» или «Нет, возражаю» он не стал уточнять.

Катер болтало из стороны в сторону, подбрасывало на волнах со страшным грохотом, чему, признаться, Александр был только рад, как и отсутствию привычного комфорта. Две обитые дерматином лавки на металлических прямоугольных ящиках вдоль бортов, друг напротив друга рассчитанные на два пассажира не имели ни ремней безопасности, ни каких-либо приспособлений, чтобы ухватиться покрепче.

Ещё два вполне сносных сидения на амортизаторах, одно из которых капитанское, второе с противоположной стороны. И парочка таких же тумб, обитых дерматином, на корме, прикрытой тентом из прозрачной плёнки, как зонтом. Невелико пространство.

Руслан – молодой, улыбчивый парень лет двадцати с копейками, кинувший заинтересованный, оценивающий взгляд на Анни, после которого Александру нестерпимо захотелось проломить ему череп, устроился на месте капитана.

Заскочившая следом за Русланом девушка демонстративно заняла соседнее кресло, тем самым застолбив не только удобное место, но и самого Руслана тоже, кинув при этом предостерегающий взгляд на растерявшуюся Анни.

Александр лишь усмехнулся, сел на лавку, подозвал к себе свою спутницу, предлагая устроиться рядом.

– Думаю, будет болтать, – сказал он.

– Ещё как, – подтвердил Руслан, подмигнув побледневшей Анни, чем вызвал явное неудовольствие девушки рядом.

– Рус, опаздываем! – одёрнула та, пытаясь по пути испепелить пассажирку взглядом.

Тот недовольно покосился на говорящую, извиняясь на Александра, который являлся клиентом и выслушивать истеричные выкрики был не обязан, более того, мог тянуть резину сколько угодно, в пределах разумного – расписание никто не отменял, – но всё же в мире извоза и туризма музыку заказывает тот, кто платит. А платил Виссарионов, причём щедро платил, так, словно катер был забит под завязку.

– Больше никого не будет? – шепнула Анни.

– Нет, только мы, – ответил Александр.

– А как же...

– Ты, правда, хотела, чтобы бабушка составила нам компанию? – с мягкой улыбкой ответил он и не без удовольствия наблюдал, как Анни в ответ качнула головой в отрицании и спрятала довольный взгляд.

Почти наверняка довольный. Почти. Понять до конца это полумифическое, словно инопланетное существо Александр не мог, как ни пытался считывать эмоции и мысли.

Просто радовался, как сопляк, от того, что Анни вынужденно устроилась в его объятьях, иначе бы не удержалась при бешеной качке, и крепко прижимал её фигурку к себе, обхватив рукой.

Анни была в том же костюме, что и вчера. Плотный трикотаж не должен был давать простор воображению, но Александра было не остановить. Он представлял, и от представленного ликовал, как пацан, впервые увидевший непристойную картинку.

От её волос одуряюще пахло духами и чем-то особенным, волшебным, невероятным. Он пододвинул к себе Анни, покрепче перехватил, воспользовавшись очередным прыжком катера, вдохнул запах, чувствуя не просто желание, возбуждение или похоть, скорее потребность в девушке в его объятьях. Незнакомое доселе чувство или забытое за давностью лет, потерянное

в постелях раскрепощённых любовниц, знающих себе цену – порой это не было формой речи, цена за физическую любовь часто была озвучена и всегда заплачена.

Показалась береговая линия, которая быстро приближалась. Деревья, подступающие к воде, густые леса вдали, скальная порода, выступающая в озеро, покрытая мхами и редкой растительностью. Протоки между огромными, серо-красными булыжниками открывали поистине живописную картину, которая не могла не радовать глаз.

Именно такую красоту любил всем сердцем Александр – суровую, неприступную, часто пугающую оттенками серого, холодного, скального. Именно по ней скучал бесконечно долгие десять лет разлуки.

Берега, окутанные в камень, где проступает гранит, блестящий слюдяной сланец, зеленоватый диабаз, с распластанными по ним зарослям мха, с низкой растительностью и неизвестно каким чудом растущими соснами – вот что на самом деле могло ублажить взор Виссарионова.

Какого чёрта он на бесконечные годы отказался от этого? Ради чего? Кого? Что доказал и кому?

Остановились у деревянного пирса, далеко убегающего в озеро. Руслан ловко выскочил из катера, накинул трос на установленный кнехт.

Александр вышел, следом выбралась Анни, смотря широко распахнутыми глазами по сторонам, он помог бледной спутнице, придержал, когда у неё закружилась голова – девушку качнуло в сторону, она лишь беспомощно взмахнула руками и пискнула.

– Дом прямо напротив пирса, – сказал Руслан. – Деревянный, белый, с огромной верандой, в районе семисот метров больше ничего нет, не перепутаете.

– Спасибо, – кивнул Александр.

– Спасибо, – в унисон ответила Анни, слегка покраснев, что сильно не понравилось Виссарионову.

Пирс перешёл в деревянный помост, который привёл прямо к невысокому забору с калиткой, на которой висел почтовый ящик, рядом пристроилась табличка с адресом. Действительно, невозможно перепутать.

Александр открыл замок, распахнул калитку и пропустил новую хозяйку дома в будущие владения. Что ж, неплохое имущество...

На просторном газоне, поросшем сорняками, раскинулся двухэтажный дом в скандинавском стиле, глядя панорамными окнами веранды в сторону Ладожского озера. На территории рядом с забором несколько мачтовых сосен подпирали небо, под окнами были клумбы, на которых не росло ничего, кроме высокого бурьяна и остатков садовых многолетников.

С другой стороны дома обнаружилось несколько хозяйственных построек, зона для барбекю с беседкой в том же дизайне, что и дом, и добротный сруб русской бани, не вписывающийся в окружающую стилистику.

В дом вело крыльцо с деревянными перилами и металлическая дверь, стилизованная под дерево. Внутри пахло пылью, немного сыростью, нежилым помещением. Мебель была тщательно укрыта плёнкой, со стен сняты картины или фотографии – что бы там ни висело раньше, остались лишь крепления.

Такая же картина наблюдалась во всех комнатах, включая второй этаж, просторную кухонную зону и веранду, выглядывающую стеклянными окнами-стенами на некогда ухоженный газон, пирс, уходящий в серые воды Ладоги, белыми барашками подбегающие к берегу.

– Я была здесь, – задумчиво глядя в окно на открывающийся пейзаж, сказала Анни. – Дом был меньше, но окна так же выходили на Ладогу. И те две сосны, и пирс был этот же, поэтому я узнала. Это было ещё до того, как меня прооперировали в Израиле, я уже не ходила, не могла. Олег... Максимович сажал меня у этого окна в кресло-качалку, огромное такое, как корабль, мне тогда так казалось, и я могла часами смотреть на озеро. Однажды я видела, как

они целовались. Мама и Олег, – засмеялась она. – Во-о-о-он у той сосны. Наверное, забыли, что я всё вижу, – тихо договорила она. – Я помню этот дом.

Целовались. Целовались во-о-о-он у той сосны. Олег – его лучший друг, – и Марта – женщина, которую он любил. И всё это видела её дочь, о которой ему, Виссарионову Александру Павловичу, не рассказали.

Глава 7

Пётр позвонил ближе к обеду. К этому времени Александр с Анни успели осмотреть её будущее имущество. На взгляд Виссарионова, скромное, несмотря на то, что он отлично отдавал себе отчёт о стоимости приличного куска земли на берегу Ладожского озера и просторного дома с личным пирсом – по факту это огромные деньги для среднего жителя страны, которой и являлась Анни Лесонен.

Не удивительно, что девушка казалось растерянной, скорее даже потерянной, когда осматривала будущие владения. Трёхэтажный меблированный дом, похоже, смущал её, она словно пыталась надеть пиджак с чужого плеча, который сползал, болтался на груди и талии.

– Всё-таки это неправильно, – тихо проговорила Анни, оглядывая спальню на третьем этаже.

Единственное жилое помещение, остальное пространство занимала огромная комната, видимо, выполняющая роль гостиной. На первом этаже также была просторная гостиная со сплошными панорамными окнами, камином, кухонная зона и небольшая столовая, выходящая окнами и отдельной дверью на внутреннюю часть двора с зоной для барбекю – удобно для отдыха. Второй же делился на почти одинаковые по размерам комнаты-спальни, какая из них была детской, хозяйской или гостевой, угадать было невозможно. Дом был хорошо, со вкусом обставлен, насколько это можно было рассмотреть под слоем плёнки, при этом безликий.

– Что именно? – Александр слегка нахмурился.

Поведение Анни, её настроение, всё больше ему не нравились. Утренний позитивный настрой сменялся какой-то зажатостью, неявной грустью.

– То, что Олег... Максимович завещал мне этот дом, – интонационно она выделила «мне».

– Думаю, Олег Максимович знал что делал, – Александр попытался ответить как можно мягче, видя, что спутница готова совсем расклеиться.

– Это дом его семьи... Нехорошо это. Я могу отказаться?

– Нехорошо, Анни, не выполнить последнюю волю усопшего. Видимо, это место много значило для него и... твой мамы. Олег решил, что правильной будет передать дом тебе, – предположение о Марте буквально вгрызалось в горло, пришлось кашлянуть, чтобы голос звучал более уверенно.

Марта, Марта... за что же ты преподнесла такой сомнительный дар? Почему всё время молчала о том, что у тебя есть дочь? Про роман с Олегом? Неужели он бы не понял?..

Скорей всего нет, не понял. Сейчас, в тридцать пять, Александр прекрасно понимал, что десять лет назад не понял бы, не принял ложь, даже во спасение не принял, но какая-то подспудная обида подбиралась к груди и не давала покоя. Именно здесь, в этом доме начинала угнетать. Возвращать жёсткими флешбеками в прошлое, туда, куда не было смысла смотреть, то, что не нужно было помнить, думать об этом не стоило.

– Но там жена осталась, дети, я видела... на кладбище, в день похорон. Им нужнее.

– Поверь мне, они ни в чём не будут нуждаться. Олег не пожертвовал бы любой, самой незначительной суммой, если бы это хоть немного ущемило его семью.

– Но... – Анни сморщилась, будто у неё заболел зуб или голова.

– Давай, ты не будешь решать за взрослого, уже покойного человека. Если он так решил, значит, у него были мотивы, вероятно, тебе непонятные, но были. И стоит их уважать, – твёрдо проговорил Александр.

На самом деле он сам бы хотел разобраться в мотивах поступков Звягильского.

Тогда, десять лет назад, всё было понятно. Марта покорила сердце не только Александра, но и Олега, впоследствии выбрала его. Имела право, в конце концов, люди нарушают любые

клятвы и договоры, а между Виссарионовым и ней, по сути, не успело случиться ничего, кроме бурной сексуальной связи и нескольких совместных поездок на отдых. Остальное придумало пылкое воображение озабоченного двадцатипятилетнего юнца. Не были произнесены даже тривиальные обещания и признания.

После, что было после гибели Марты? Что двигало Олегом, элементарная человеческая порядочность, жалость к сироте, память о былых чувствах к погибшей?

И всё же, землю, которая досталась ему от предков, правильной было оставить родной крови, плоти от плоти, а не посторонней девочке, пусть и обделённой судьбой с самого рождения.

От мыслей отвлёт звонок Петра, очень вовремя на самом деле. Анни окончательно загрустила, что совсем не нравилось Александру. Не такое путешествие он планировал с девушкой, которая заинтересовала его в первую очередь как мужчину, затронула самое нутро, заставляя содрогаться то от жгучего интереса, то от желания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.